

En portada: EL Mikhailovsky Ballet - Irina Perren en *La Bella Durmiente* de

Спящая Красавица

Эмма Маннинг размышляет о том, как Начо Дуато проводит время в петербургском Михайловском Театре

Слов нет, круто. Начо Дуато, который работал столько, сколько хотел, и до недавнего времени почти исключительно в современном жанре, потряс танцевальный мир, согласившись на пост художественного руководителя балета в петербургском Михайловском театре,

который он и занял в январе 2011 года.

Теперь он опять сразил всех наповал, поставив новую «Спящую красавицу», причем в том самом городе, где и был создан 120 лет назад этот самый священный из классических балетов. Премьера этой спорной новой версии

Irina Perren como La Princesa Aurora, Marat Shemiunov como el Rey Florestán y Olga Semyonova como la Reina en *La Bella Durmiente*. Foto: E. Kauldhar/Danza Europa

состоялась в Михайловском театре 16 декабря 2011. Полная переделка, надо думать – от хореографа, который никогда не был замечен в особой любви к классическому балету? А вот и нет! В отличие от «Спящей» Матса Эка, в стиле «contemporary» и с Авророй-наркоманкой, спектакль Дуато выдает не радикальные отступления, а реинкарнацию классического образца с пуантами, феями с крылышками и многочисленными реверансами в сторону Петипа. Розовое адажио поначалу вроде бы и предлагает нечто новое для четырех кавалеров, но потом все равно приходит к тем же нервным четырем апломбам принцессы Авроры; да и многое другое (возьмем хоть начало большого па-де-де, где Аврора разворачивает свое *développé devant*, лицом к Дезире) кажется более чем знакомым, прежде чем обнаруживает какое-либо отклонение, например, *promenade* вместо традиционного *sambré* в данном случае. И в то же время Дуато отбирает у этого балета один из самых узнаваемых моментов, заменяя диагональ ныряющих «поддержек-рыбок» сдержанными выпадами. Вообще-то, хотя существует множество версий «Спящей красавицы», адаптирующих хореографию Петипа и нередко прибавляющих к ней новые куски (в том же

спектакле Королевского балета есть вставки, принадлежащие Эштону, Доуэллу и Уилдону), большинство из них все же соблюдает приличия, признавая, что в основе постановки – оригинал Петипа. Михайловский театр поступает иначе, приписывая всю хореографию одному Начо Дуато. В одном из интервью тот покорно признаётся, что, хотя он мог бы начать с «чего-нибудь менее великого», но по просьбе Михайловского театра взялся за «Спящую».

Сам Дуато яснее всего виден в том, как он освобождает балет от формальных норм: сведена на нет помпезная пышность, практически не осталось статичных фигур, все это заменено танцем, которым наделены даже венценосные король с королевой, чьи утонченные диалоги обращают на себя внимание. Отметим также общее раскрепощение самой модели классического танца, расширение его словаря, что, увеличивая диапазон лирической свободы, в то же время порой разрушает сам эстетический канон, придавая танцовщикам намеренно «корявый» вид.

Структура балета – пролог и три акта – остаётся более-менее нетронутой, а вот либретто объявляется сочинением Дуато, по Ивану Всеволожскому (директора

Irina Perren como La Princesa Aurora y Leonid Sarafanov como el Príncipe Désiré en *La Bella Durmiente*. Foto: E. Kauldhar/Danza Europa

Императорских театров, который во время своего 18-летнего правления – начиная с 1881-го года — был вдохновителем ряда реформ). Пять фей (которые в разных театрах зовутся по-разному, но больше всего известны как фея Кандид, фея Флер-де-фарин, фея Хлебных крошек, фея Канареек и фея Виолант), с одной стороны, преподносят свои дары самым привычным образом, а с другой – вариации их при этом куда менее элегантны, чем обычно (чего стоят одни только конвульсии в верхней части тела у фей Хлебных крошек!), к тому же в их танцы встречаются другие персонажи: например, в какой-то момент к феям подключаются двое из кавалеров, а фея Канареек – Сабрина Яппарова, самая прелестная из всех, – очаровательно порхает прямо в толпе гостей. В отличие от тех постановок, где фея Сирени не танцует, здесь это партия балеринская,

и Екатерина Борченко, лучезарная и длинноногая, уверенно рассекает балет своими глубокими арабесками на пуантах. Ее противница, мстительная Карабосс, сыграна Ришатов Юлбарисовым, который, появившись из-под гигантского черного полотнища, рыскает по сцене и раздувает свою злобу. “Её” свита из шести панковского вида созданий гораздо интереснее, чем обычно, и получает собственные пассажи летучих жете для устрашения придворных.

Вальс 1 акта, сразу дающий шанс оценить кордебалет труппы, был исполнен очень живо – казалось, артисты без ума от новой постановки. Особенно выделялась одна девушка с воздушным танцем и привлекательной внешностью – это была Альфа Н’ Гоби Олимпиада Саурат (имя было нетрудно узнать, так как потом она выходила в «сказках», в дуэте Принцессы и Лягушки). Как выяснилось, она родилась в Париже, но училась в Московском Хореографическом училище, после чего в 2010 году была принята в труппу

Михайловского. Кажется, из нее будет толк! Еще в этом акте незабываемый финал, когда уснувшую Аврору берет на руки ее отец, что не в пример лучше торжественного шествия, где ее несут, как раненого солдата. Это, во-первых, куда более естественно, а во-вторых, решает проблему Аврориной пачки, которая обычно ужасно нескладно стоит колом, пока принцессу транспортируют в лежачем положении.

Пожалуй, самый большой кусок современной хореографии Дуато дает в сцене охоты, наименее мемориальной и незыблемой. Ее начальные фигуры были исполнены легко и стремительно. Трио Татьяны Мильцевой, Николая Арзьева и Андрея Лапшанова тоже исполнялось с беспримерной живостью. Но то, что сцена охоты разворачивается на фоне озера, это уже слишком. Не говоря уже о моментах, когда

Аврора в своей вариации в сцене nereid выдавала пор-де-бра, до странности напоминающие о робости Одетты при первой встрече с Зигфридом.

Ведомые королем Флорестаном (Марат Шемиунов) и его королевой (Ольга Семенова), уже в третий или четвертый раз переменявшими свои сказочные костюмы, на бал являются Драгоценности: Мария Дмитриенко – Сапфир, Валерия Запасникова – Аметист и Оксана Бондарева (накрутившая кучу отменных фуэте и самая сильная техничка из трех) в паре с Андреем Яхнюком – Золото, а также шесть пар из волшебных сказок (впрочем, танцевальные партии из них имели лишь три). Как ни странно, здесь ярче всех были Марина Николаева и Никита Кулигин в чувственном дуэте ссорящихся Кота и Кошечки с их фривольными играми и вполне правдоподобными характерами. Голубая птица и Принцесса Флорина явно добились бы большего, не будь их хореография так сильно подпорчена. У Сабины Яппаровой, впечатлявшей в Прологе фей, здесь даже не было соло, а у Николая Корыпаева хоть и было, но танцевал он не в полную силу, и brisé у него были не слишком уверенными. Впрочем, с парой декоративных поддержек они сообща справились. Ну, и Красная Шапочка Екатерины Хоменко выглядела довольно напуганной, когда за ней так страстно гнался Волк Сергея Стрелкова.

Печально другое: то, что ведущие солисты, бесспорно, талантливые, не слишком соответствовали своим ролям. Ирина Перрен выглядела слишком высокой и уверенной на фоне по-мальчишески субличного Леонида Сарафанова. Ее Аврора изысканна, умна, без всякой наивной невинности, и прыжочки резвого котенка (с подобранными под себя ногами) не соответствуют ни физически, ни психологически. Впрочем, она несмотря ни на что остается неутомимой техничкой с несокрушимыми апломбами и превосходными жете, рассекающими воздух. И все же мы в нее не влюбляемся, как не влюбляемся и в Дезире Сарафанова. Учившийся в Киеве и до перехода в Михайловский (в 2011 году) танцевавший в Мариинке, Сарафанов был, вероятно, самым сильным танцовщиком труппы (до того, как к ней подросло подкрепление в лице Ивана Васильева, перешедшего туда из Большого театра вместе с Натальей Осиповой).

Сарафанов продемонстрировал образцовое исполнение с чистыми ритмами и полетными прыжками. Особенно динамична была его вариация 3 акта (хоть и закончил он ее в слишком быстром темпе), но драматическая игра не убеждала, и были моменты, когда Перрен уверенно его затмевала.

Однако какие бы сомнения ни вызывала хореография, дизайн Ангелины Атлагич восхитителен. И если вынести за скобки загадочное присутствие озера, в целом оформление, простое и элегантное, радовало глаз (особенно костюмы, многие из которых были чудесны) и не «заслоняло» танцовщиков. Пачки фей – высший класс, придворные и кордебалет тоже одеты как нельзя лучше, на костюмы пошло гораздо меньше портьерного бархата, чем это обычно бывает, и, вот радость! – никаких пыльных париков, обкрадывающих образы. Но вот что сказал бы

Петипа, вычеркнутый из списка создателей «Спящей красавицы», – этого я не смею даже себе представить.

Los Gatos - Marina Nikolayeva
y Nikita Kuligin.
Foto: Danza Europa